

Христіанскій взглядъ на скорби и страданія, насъ постигающія ¹⁾.

Чего ожидаете вы отъ престарѣлаго служителя науки, удостоивъ посѣщеніемъ настоящее собраніе наше? Разъясненія важныхъ вопросовъ вѣры? Разрѣшенія какихъ-либо религіозныхъ недоумѣній, занимающихъ мысль вашу? Опроверженія заблужденій, которыя, какъ плевелы, растутъ и множатся въ средѣ нашего общества, такъ часто геряющаго руководительное начало нашей мысли, данное намъ въ пеложномъ словѣ Божіемъ и опирающемся на немъ ученіи церкви?

Мы видимъ и знаемъ, что много насущныхъ вопросовъ выдвигаетъ наше время, болѣющее безвѣріемъ, и они волнуютъ и тревожатъ умы многихъ. Но пора намъ, утомленнымъ многолѣтними трудами, сложить бранное оружіе. Пусть болѣе юные борцы выступаютъ предъ вами глашатаями, вооруженными научною силою, для разбѣянія ходячихъ заблужденій и для рѣшенія животрепещущихъ вопросовъ религіознаго знанія. Мы ищемъ мира и успокоенія, и хотимъ подѣлиться съ вами не горькимъ словомъ обличенія противъ заблужденія, а словомъ мира и успокоенія.

Предметъ, насъ занимающій, къ которому мы хотимъ склонить и ваше вниманіе,—это скорби, нами переживаемыя,

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ собраніи Киевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества 14 ноября 1902 года, въ залѣ Киевскаго Реального Училища.

и страданія, которыя такъ часто выпадаютъ на нашу долю. Прощедши длинный путь жизни, даруемый Провидѣніемъ таѣнной природѣ нашей, мы часто были свидѣтелями многихъ слезъ, какія вызывали у нашихъ близкихъ жданные и неожиданные удары судьбы, и сами по временамъ пили изъ горькой чаши. Особенно въ последнее время мы слышимъ въ окружающей насъ средѣ такъ много стонѣвъ и воздыханій, видимъ такъ много печалей, снѣдающихъ сердца, что мысль наша не можетъ оторваться отъ этого тяжелаго предмета, и, подавляемая имъ, ищетъ себѣ успокоенія.

Можетъ быть, для васъ не угоденъ предметъ этотъ? Можетъ быть, путь жизни вашей такъ гладокъ и ровенъ, что вы не испытывали толчковъ и преткновеній, и вамъ мало знакома скорбь, тяготящая многихъ? Если есть между вами такіе, то не для нихъ мое слово. Я хочу говорить для скорбящихъ и болѣзнуюющихъ душою.

Но нѣтъ! Напрасно я говорю, что скорбь явленіе и чувство, чуждое и мало знакомое кому-либо изъ васъ. Сѣмя печалей разсыяно всюду, гдѣ только ступаетъ нога человѣка, и можете ли вы указать хоть одного счастливца, который бы прожилъ вѣкъ свой, не испытавъ никакого горя? Правда, скорбь не желанная для насъ гостя; душа наша боится ея, бѣжитъ отъ нея. Но скорбь стережетъ насъ на путяхъ нашихъ, и вторгается въ наши жилища и въ наши сердца, неожиданная и незванная. Лишь только является человѣкъ на свѣтъ, гдѣ бы онъ ни родился,—первое проявленіе его жизни—плачь, плачь, возбуждаемый оцупченіемъ боли въ нѣжномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, страданіе встрѣчаетъ человѣка на первой ступени его жизненнаго поприща, и онъ подвергается ему и несетъ его, еще до раскрытія своего самосознанія. Съ возрастомъ и раскрытіемъ сознанія и укрѣпленіемъ силъ своихъ идетъ онъ въ развертывающуюся предъ нимъ даль будущаго, ища здѣсь покоя и счастья и устроая свое благополучіе. Но какъ бы ни былъ углаженъ для него

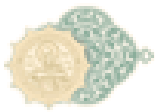

путь жизни, и съ какою заботливостію ни былъ бы освобожденъ отъ рововъ и стремнинъ, угрожающихъ крушеніями скорбь по пятамъ преслѣдуетъ и избранника счастья, и по временамъ заставляеть его испытывать ея горькую силу. У одного скорбей больше, у другого меньше. Одного нынѣ постигло горе, другого постигнетъ завтра. Но надъ всеми скорби простираеть свое владычество, и дѣлаеть насъ невольными данниками своими. Одинъ грозный призракъ смерти, стоящій предъ нашими глазами, способенъ отравить наши радости и исполнять глубокою печалію сердца наши. Этого неизбежный конецъ нашего странствованія на землѣ страшиетъ насъ, когда мы издали представляемъ его. Но когда смерть, которую Апостолъ называетъ послѣднимъ врагомъ нашимъ, приближается къ намъ и беретъ насъ въ свои холодныя объятія, — цѣпенѣетъ въ жилахъ кровь наша, и душа въ невыразимомъ трепетѣ отдаеть себя во власть ея. Не можетъ плакать умирающій, — не можетъ потому, что исчезаетъ крѣпость его, за то плачутъ по немъ другіе, живущіе близъ его, и связанные съ нимъ крѣпкими узами, которыя насильственно разрываетъ смерть. И если плачемъ начинается жизнь наша, то еще большими слезами, болѣе горькими и тягостными, сопровождается конецъ ея, когда духъ нашъ оставляетъ брнное тѣло, и оно теряетъ красоту свою и предается тлѣнію, и когда остающіеся въ живыхъ, теряя дорогаго человѣка, можетъ быть, единственную опору въ жизни, провожаютъ его въ холодную и темную могилу.

Представьте себѣ какое угодно поприще, на которомъ живетъ и движется человѣкъ, представьте какое угодно общественное положеніе, хотя самое высокое, и не нужно напрягать зрѣнія, чтобы видѣть, что никакія крѣпкія стѣны, никакія разукрашенныя палаты, никакая высота положенія не спасаютъ людей отъ черви скорби, гложущаго сердце наше. Развѣ не льются слезы и на тронѣ, куда, казалось, не должно бы быть доступа горю? Скорбь растеть не въ

низменной только долинь, но и на самых послѣднихъ высотахъ, до какихъ только возносить человѣка ниспосланная ему судьба. И высокаго и осчастливленнаго человѣка можетъ постигать то тяжкая болѣзнь, не уступающая искусству врачей, то смерть дорогихъ и близкихъ сердцу, то измѣна и нападенія злоумышленниковъ, то семейные раздоры и неприятности, неудачи и превратности разнаго рода. И всѣ эти удары судьбы и тяжкія злключенія, отъ которыхъ никто не застрахованъ, на людей, пользующихся завиднымъ благосостояніемъ, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на людей, свыкшихся съ своею скромною долею, и терпѣливо несущихъ тяготу жизни,—и чувство боли, при обрушившемся несчастіи, сильнѣе терзаетъ сердце первыхъ, чѣмъ вторыхъ.

Измѣнчиво и непрочное счастье человѣческое. Нынѣ вы пользуетесь полнымъ благополучіемъ, спокойны, довольны, окружены любящими васъ, ни въ чемъ не нуждаетесь. Но неожиданно для васъ подулъ противный вѣтеръ, и, какъ карточный домикъ, разлетѣлось создаваемое вами и тѣпившее васъ счастье, и кто тогда измѣритъ глубину скорби человѣка, подвергшагося неожиданному удару судьбы? Вотъ вамъ назидательный примѣръ, записанный для насъ въ книгѣ Откровенія. Въ древнія времена былъ праведникъ, ущедренный отъ Господа всѣми дарами счастья (разумѣемъ праведнаго Іова). Но въ одинъ день онъ лишился всего,—богатства, дѣтей и здоровья, и въ тяжелой, поразившей его, болѣзни оставленъ былъ всѣми, и принужденъ былъ сидѣть на гноищѣ внѣ града, и черепицею острогать гной съ ранъ своихъ. Можете ли представить тяжесть его страданій и всю силу скорби, терзавшей его душу? Среди постигшихъ его злключеній изъ груди его исторгается сильный, неизмѣримо трогательный, потрясающій вопль. *О, если бы* (говоритъ онъ) *вѣрно взвѣшены были вопли мои, и вмѣстѣ съ ними положили на вѣсы страданіе мое. Оно вѣрно перетянуло бы песокъ морской* (Іов. VI, 2—3). *Я получилъ въ удѣлъ мѣсяцы суетные, и ночи*

горестныя отчислены мнѣ... Когда подумаю: утѣшишь меня постелья моя, унесеть горестъ мою ложе мое, Ты страшишь меня снами и видѣніями пугаешь меня (Іов. VII, 3, 13—14). Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады... Вздохи мои предупреждаютъ хлѣбъ мой, и стоны мои льются, какъ вода. Зачѣмъ данъ страдальцу свѣтъ, и жизнь огорченныиъ душами? (Іов. III, 20—26).

Образъ Іова, пораженнаго неожиданными злосключеніями, не есть ли образъ всего рода человѣческаго? Не отражается ли въ немъ, какъ въ фокусъ, цѣлая исторія, переживаемая человѣкомъ отъ дней Адама до нынѣ?. Да, Іовъ, со своими страданіями, съ своимъ воплемъ не есть лицо единичное, и его страданія не его исключительная судьба. Перемѣна счастья, страданіе, если не въ той же мѣрѣ и не въ томъ же видѣ, какъ Іова, можетъ постигать cadaго изъ насъ. Въ лицѣ Іова собрано и рельефно выражено все то, что по частямъ бываетъ и можетъ быть со мною, съ вами, съ вашимъ сосѣдомъ, съ вашимъ другомъ и знакомымъ, и со всякимъ изъ живущихъ на землѣ.

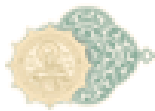
Поднимите свой умственный взоръ на самыя послѣднія высоты, до какихъ вознесена была природа человѣческая. Здѣсь нашему взору предстаетъ Красный добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, въ которомъ съ человѣческою природою соединена была полнота Божества. И этотъ Сынъ человѣческій, котораго духъ былъ свѣтлѣе солнца, воспринимаетъ на себя и раздѣляетъ съ нами мракъ печали нашей. Видѣли слезы на Его божественныхъ очахъ, когда богозданная природа наша являлась предъ нимъ во узахъ смерти и предавалась тлѣнію (Іоан. XI, 35), и Онъ съ глубокою скорбію взиралъ на страданія людскія, когда у Его милосердія искали помощи болящіе, слѣпые, хромые, бѣсноватые, оплакивавшіе смерть близкихъ родныхъ своихъ, изнывавшіе подъ гнетомъ разныхъ злосключеній. Сострадая нашей немощи и нашимъ болѣзнями, Онъ самъ переносилъ въ своей святѣйшей

душѣ скорбѣ болѣе глубокую и тяжкую, чѣмъ какая достается въ удѣлъ намъ грѣшнымъ, и тѣмъ сильнѣе было Его чувство скорби, что оно не вызвано было никакою виною, какъ у насъ, а единственно Его безмѣрною любовію къ намъ. *Прискорбна есть душа моя до смерти* (Мтто. XXIII, 38), говорилъ Онъ, вступая въ искупительный подвигъ за насъ, и въ пламенной молитвѣ къ Богу Отцу просилъ утѣшенія и облегченія своихъ страданій. А зачѣмъ, кто можетъ измѣрить болѣзни Его сердца и Его страданія, когда Онъ, за спасеніе наше, послѣ неправеднаго суда надъ Нимъ, благоволилъ претерпѣть мучительную смерть на крестѣ, и когда, среди жесточайшихъ страданій, Онъ возопилъ къ Богу Отцу гласомъ велимъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ* (Матѣ. XXVII, 46)?

А богоизбранная изъ всѣхъ женъ, ставшая честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ, развѣ чужда была нашимъ страданіямъ, развѣ свободна была отъ нихъ? И ея чистую душу пронзило острое оружіе невыразимой скорби, когда, стоя при крестѣ, она видѣла мученія распятаго на немъ Сына своего (Лук. II, 35. Иоан. XIX, 35)? Намъ-ли, вращающимся на низменныхъ долинахъ, на которыхъ посѣяно сѣмя печалей, быть свободными отъ страданій, являющихся неразлучными спутниками нашей жизни?

Не для того я напоминаю вамъ объ этомъ, чтобы расправлять раны вашего сердца, если вы восприняли посѣщеніе Божіе въ постигшемъ васъ какомъ-либо злоключеніи и болите душею, а для того, чтобы вмѣстѣ съ вами искать утѣшенія въ скорби, успокоенія и подкрѣпленія смущенной и угнетаемой печалію душѣ, и въ вѣрѣ, намъ данной, найти благодатный елей и этимъ елеемъ утишить боль вашего сердца.

Зачѣмъ скорбѣ омрачаетъ дни наши и терзаетъ наше сердце, ищущее свѣта и радости? Откуда явилась эта незванная мучительница наша?

Не будемъ роптать за это на всеблагого и премудраго Творца нашего. Въ богозданной природѣ не было сѣмени печали. Господь для радости и блаженства вызвалъ къ жизни человѣка, и Адамъ въ раю не зналъ горести скорби, нынѣ насъ угнетающей. Скорбь явилась въ нашемъ родѣ тогда, когда нашъ прародитель, соблазненный врагомъ—искусителемъ, уклонился отъ правильнаго пути, ему указаннаго, и нарушилъ святой законъ, долженствовавшій охранять его чистоту и то блаженство, для котораго онъ созданъ. Не Богъ, а мы сами внесли въ свою жизнь ядовитое и горькое сѣмя печали, и оно, укоренившись въ предѣлахъ, нами обитаемыхъ, растетъ среди смѣняющихся поколѣній, и мы никакими усилиями не можемъ исторгнуть его. Первый ростокъ скорби человѣческой явился тогда, когда Адамъ, обольщенный дьяволомъ, вкусилъ отъ запрещеннаго плода, и въ безпокойствѣ, съ трепетомъ душевнымъ, созналъ свою тяжкую вину предъ всеблагимъ Творцомъ своимъ и думалъ скрыться отъ лица Божія (Быт. III, 7—8). Затѣмъ послѣдовали горькіе плоды преслушанія воли Божіей,—изгнаніе изъ рая сладости, изнурительный трудъ, часто истощающій силы человѣка, но не дающій ему ожидаемаго плода, болѣзни, вражда природы противъ человѣка, разрушительныя дѣйствія стихій, и смерть, полагающая конецъ всѣмъ исканіямъ человѣка. По преданію, нашъ праотецъ, изгнанный изъ рая, въ свой длинный вѣкъ часто сидѣлъ предъ вратами рая и, оплакивая свое грѣхонаденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ горько оплакивалъ печальную судьбу свою и всего рода своего, ставшую нашимъ удѣломъ послѣ грѣхопаденія.

Печаль Адама, изгнаннаго изъ рая, перешла, какъ наслѣдіе праотца, ко всѣмъ его потомкамъ и разрослась въ многовѣтвистое древо, покрывающее собою всѣ предѣлы земли, на которые только ступаетъ нога человѣка. И смотрите, какъ много-различны проявленія этой печали.

Изъ всѣхъ печалей нашихъ самая первая и глубокая печаль наша—печаль о нашемъ недостойнствѣ предъ Богомъ, скорбь о томъ, что мы своею грѣховною жизнію оскорбляемъ милосердаго и правосуднаго Отца небеснаго и за насъ пострадавшаго Господа Иисуса Христа, и чрезъ то подвергаемъ себя страшному гнѣву Божію. Не гоните, не вытѣсняйте изъ своего сердца этой печали. Эта печаль—печаль по Бозѣ,—печаль спасительная; эту печалью скорбѣли и ее призывали святые Божіи, искавшіе милосердія Божія. Когда мы несемъ ее съ упованіемъ на милосердіе Божіе, мы слезами омываемъ свои грѣховныя нечистоты, и печаль наша можетъ привлечь на насъ благоволеніе Отца небеснаго, который не отвергаетъ обращающихся къ Нему, и плачущихъ о своемъ недостойнствѣ предъ Нимъ утѣшить радостію неизглаголанною. Эта скорбь, какъ очистительное средство, внушается всѣмъ намъ святою церковію, заботящеюся о нашемъ спасеніи,—всѣмъ, потому что *кто чистъ будетъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV, 4—5). Правда, иные, ожесточившіеся сердцемъ, заглушаютъ въ себѣ это чувство, вызываемое сознаніемъ своей вины предъ Богомъ. Но они не могутъ вырвать изъ своей груди сердце, грѣхомъ отравленное, и ядъ грѣха, гнѣздящійся въ ихъ сердцахъ, часто даетъ имъ чувствовать свою отравляющую силу. А въ послѣдній день, день суда, о которомъ не думаютъ они нынѣ, онъ поразитъ ихъ поздною невозвратною скорбію и создастъ для нихъ такія мученія, подавляемые которыми они будутъ говорить горамъ: *падите на ны и покрыйте ны отъ лица Божія*.

Но когда въ обыденной жизни слышатся между нами горькія жалобы и сѣтованія на печальную судьбу, достигающуюся въ удѣлъ тому или другому изъ насъ, мы менѣе всего думаемъ объ этой изначальной скорби. Насъ гнетутъ, у насъ исторгаютъ слезы скорби другого рода, порождаемыя внѣшними напастями и злключеніями, разстраивающими спокой-

ное теченіе нашей жизни. Вотъ одинъ горько сѣтуетъ потому, что потерялъ состояніе и не имѣетъ средствъ къ пропитанію себя и семейства своего. Другой стонетъ потому, что его постигла тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ не находитъ себѣ исцѣленія. Третьяго беспокоятъ семейные раздоры и непріятности, разстройство супружескаго счастья, безпутьство дѣтей и т. п. Четвертые плачутъ потому, что смерть унесла у нихъ самыхъ дорогихъ близкихъ, съ которыми они связаны были неразрывными узами любви, которые доставляли имъ утѣшеніе, и съ потерю которыхъ они лишились всего, что дѣлало для нихъ жизнь пріятною. Эта послѣдняя скорбь одна изъ самыхъ жгучихъ, наиболѣе удручающая и терзающая сердце наше: при злоключеніяхъ другого рода всегда есть мѣсто для надежды; а смерть, порывая нить жизни человѣка и восхищая его изъ среды живыхъ, говоритъ оставшимся, что нѣтъ для нихъ возврата прежнихъ радостей, и преграждаетъ доступъ къ ихъ сердцамъ успокоивающему лучу надежды.

Когда мы говоримъ это, предъ нашею мыслію живо предстаютъ печальные образы нашихъ собратій, которымъ въ удѣлъ вышали дни и мѣсяцы горестные, и сочувствіе чужой глубокой скорби, котораго вы можете не встрѣтить только у человѣка безсердечнаго, вызываетъ отъ насъ слово утѣшенія.

Гдѣ же искать намъ этого слова утѣшенія и успокоенія?

Обратимся къ святой вѣрѣ, Богомъ намъ данной. Она наша утѣшительница; она вноситъ свѣтъ въ самыя мрачныя глубины, до какихъ только ниспадаетъ душа человѣческая. Свой глаза, покрытые мракомъ печали, возведите туда, гдѣ свѣтитъ свѣтъ вѣры, и на вашу душу падетъ оттуда лучъ, несущій отраду, способный разсѣять густой мракъ вашей печали.

Вы теряетесь, когда разразится надъ вами тяжкій ударъ судьбы, падаете духомъ и предаетесь неутѣшному горю. Но не заглушайте въ себѣ голоса вѣры, которую насаждала и насаждаетъ въ нашемъ сердцѣ святая мать наша—Церковь.

Прислушайтесь къ нему. Онъ внушаетъ намъ, что надъ нами бодрствуетъ и нами управляетъ всеблагое Провидѣніе. Мы и судьбы наши всецѣло въ руки Божіей. Онъ даетъ намъ дыханіе и жизнь и все блага, какими мы пользуемся. Пути жизни нашей Богъ направляетъ по своему премудрому и всеблагому усмотрѣнію. Безъ Его воли, по слову Господа, *и власть главы нашей не погибнетъ* (Лук. XXI, 18). Помните, впечатлѣйте въ своемъ сердцѣ, что Богъ челоуѣколюбивъ и неслезанно милосердствуетъ о насъ. Онъ не можетъ забыть созданія своего, въ которомъ начертилъ свой образъ. Скорѣе мать забудетъ исчадіе чрева своего, чѣмъ забудетъ насъ Отецъ нашъ небесный, и оставитъ насъ въ напасти нашей. *Кто есть отъ васъ челоуѣкъъ* (говоритъ Господь), *его же аще попроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? Или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему? Аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія благая даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матт. VII, 9 -11). Живя подъ кровомъ премилосерднаго и всемогущаго Отца-Бога, не убоимся, когда обнимаетъ насъ тьма кромѣшная, и тучи грозныя висятъ и раздражаются надъ нашими головами. Есть защитникъ у насъ, есть Избавитель всѣхъ скорбящихъ; на Него возложимъ упованіе свое. Если болѣзни адамы и сѣни смертныя одержатъ насъ, къ Нему вознесемъ душею своею, и Онъ услышитъ вопль нашъ, и изъ глубины золь возведетъ насъ и поставитъ насъ на стези спасенія.

Господь забылъ насъ, предалъ насъ въ одержаніе власти темныя, говорятъ и думаютъ люди, несущіе скорби въ сердцѣ своемъ, при какомъ-либо тяжеломъ злключеніи. Нѣтъ, не забываетъ насъ Господь, когда попускаетъ намъ впасть въ искушенія различныя и переноситъ тяготу несчастія или горя, намъ ниспосылаемаго. Тогда-то Онъ и приближается къ намъ, когда жезлъ силы Его касается насъ. Не даромъ языкъ вѣры скорби, страданія и злключенія, насъ постигаю-

щія, называетъ посященіями Божіими. Многіе святые мужи, искавшіе благоугожденія Богу (какъ передаютъ дошедшія до насъ сказанія о нихъ) скорбѣли и смущались, когда не видѣли надъ собою смиряющей и наказующей руки Божіей,— скорбѣли, думая, что Богъ оставилъ ихъ, предоставивъ ихъ своей волѣ. Когда же рука Божія послала имъ испытаніе, они видѣли въ томъ знаменіе благоволенія Божія. Они научены были изъ Писанія, что *его же любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны* (Евр. XII, 6—8). По образу, указанному въ Писаніи, вы то же предъ Богомъ, что малыя дѣти предъ отцомъ. Предоставленные самимъ себѣ, дѣти рѣзвятся, и не зная никакихъ заботъ, предаются развлеченіямъ и шалостямъ; а ихъ дома ждутъ родители, озабоченные, какъ бы не случилось съ ними какой бѣды. Въ бѣготнѣ, въ играхъ они могутъ забыться и натолкнуться на какую-либо непріятность: ихъ можетъ застигнуть непогода, гроза и буря. И вотъ родители, озабоченные, ищутъ ихъ, стремятся къ нимъ, громкимъ, иногда грознымъ, голосомъ зовутъ ихъ къ себѣ домой, и все это дѣлаютъ въ силу заботливой и попечительной любви къ своимъ дѣтямъ. Не такъ ли поступаетъ съ нами и Богъ, нашъ общій чадолюбивый Отецъ небесный? Мы тоже, какъ дѣти, можемъ забыться, вращаясь на базарѣ житейской суеты, и увлекаясь разными удовольствіями, какъ дѣти играми, можемъ не думать о возвращеніи въ домъ отчій, въ которомъ уготовано намъ спокойное жилище, и въ которомъ охраняетъ насъ попечительная любовь Отца небеснаго. И вотъ, когда среди суетливыхъ заботъ и пустыхъ увеселеній, раздражается надъ нами какой-либо ударъ, подобный удару грома, заставляющій встрепенуться насъ,—то въ томъ мы

должны слышать голосъ Бога, насъ къ себѣ зовущаго, должны видѣть мановеніе десницы Его, влекущей насъ съ опасныхъ путей нашихъ къ себѣ, гдѣ мы найдемъ покой и вѣрное пристанище, и будемъ защищены отъ враговъ, угрожающихъ нашему благу и спасенію. Не правда ли, что мы тогда особенно обращаемся къ Богу, и простираемъ къ нему молитвенный вопль, когда постигаетъ насъ какое-либо несчастье? Мало думая о Немъ, лѣнливые въ молитвѣ, мы становимся другими, когда скорбь одолеваетъ насъ: мы тогда бѣжимъ къ Богу, какъ плачущія дѣти къ отцу, повергаемъ предъ Нимъ свои печали и болѣзни, и просимъ у Него защиты, утѣшенія и избавленія. „Мужикъ не перекрестится, пока громъ не грянетъ“, говоритъ народная пословица, глубокаго смысла которой никто не станетъ отрицать. Не къ одному простому народу имѣетъ приложеніе эта пословица, выраженная въ нѣсколько простоватой формѣ, но ко всѣмъ слоямъ общества, даже самымъ высокимъ и образованнымъ.

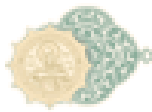
Скорби и страданія, какъ острія меча, или какъ грубныя колючія тернія, уязвляютъ сердце наше. Эти колючія терніи выросли изъ ядовитаго сѣмени грѣха. Но Господь и эти произрастенія изъ ядовитаго сѣмени обращаетъ къ нашей пользѣ. Богомудрые мужи весьма часто указываютъ благотворную силу страданій, намъ ниспосылаемыхъ. Слезы, вызываемыя скорбями, то же, что дождь орошающій и оживляющій иссохшую землю. Ожестѣло и одебелѣло сердце наше въ суетливой и своекорыстной бѣготнѣ за земными благами. Но сильное горе поразить его, и оно смягчается и дѣлается воспріимчивѣе ко всѣмъ добрымъ вѣяніямъ. Въ нечистотахъ погрязаетъ душа наша, и прахомъ земныхъ заботъ покрывается образъ Божій, въ насъ начертанный. Но являются слезы покаянія, къ которымъ особенно располагаютъ насъ чувствительные удары, поражающіе душу, и онѣ омывають и заглаждаютъ нечистоты наши. Страсти овладѣвають нашею душою и дѣлають ее своею рабою, при спокойномъ

порядкѣ жизни. Но горе поражаетъ человѣка, невольная скорбь вторгается въ его душу и подчиняетъ себѣ все чувства его. Страсти, господствовавшія въ немъ, притихаютъ, смиряются, теряютъ свою силу, и скорбящій уже не работаетъ ими и не служитъ имъ такъ, какъ служилъ въ дни покоя и счастья. Мы призваны на земномъ поприщѣ совершать подвигъ жизни, указанный намъ нашимъ вѣчнымъ назначеніемъ. А мы забываемъ объ этомъ призваніи и уклоняемся отъ святаго подвига, увлеченные и разсѣянные житейскою суетой. Страданіе, намъ ниспосланное, пробуждаетъ насъ, какъ отъ сна, отъ нашей забывчивости и разсѣянности, и возбужденная имъ душа освѣщается въ своихъ силахъ и съ бодростію берется за тотъ подвигъ, отъ котораго уклонялась. Въ рукахъ Божіихъ наше страданіе является средствомъ, ведущимъ насъ къ нашему благу и усовершенствованію. Святый Іоаннъ Златоустъ очень часто возвращается въ своихъ бесѣдахъ къ мысли о благотворномъ значеніи для насъ скорбей и страданій, и увѣщаетъ не страшиться и не чуждаться ихъ, а съ покорностію принимать и переносить ихъ, и во время скорбей не роптать, а благословлять и лобызать руку Божію, настаивая насъ исцѣляющую. „Для того (говоритъ онъ) бываютъ искушенія и скорби, дано смертное тѣло и посылаются многія несчастныя обстоятельства, для того страданія и болѣзни, чтобы крѣпко обуздать душу, которая легко надмеается и доходитъ до гордости. Поэтому не смущайся, возлюбленный, когда подвергаешься искушеніямъ, но, помня слова пророка: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (Псал. СХVIII, 71) принимай несчастіе за врачевство, пользуйся искушеніемъ надлежащимъ образомъ и достигнешь величайшаго спокойствія“¹⁾. Въ другой бесѣдѣ онъ говоритъ: „Ты

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ бес. на СХХII псал. Твор. св. І. Златоуста. Т. V; кн. 1, стр. 382.

желай жизни не безопасной, бездѣйственной и безбѣдной, но желай жизни, не колеблющейся среди опасностей. Не одинаково вѣдь можно показать свое искусство, оставаясь спокойной въ пристани, или переплывая волнующееся море. Одинъ дѣлается лѣнливымъ, беспечнымъ и слабымъ; а другой, испытавъ много подводныхъ камней, много скалъ, много бурныхъ вѣтровъ и другихъ морскихъ опасностей, и перенесши все это, дѣлаетъ свою душу болѣе крѣпкою. Ты введенъ въ настоящую жизнь не для того, чтобы бездѣйствовать, лѣниться и не терпѣть никакихъ бѣдствій, но чтобы чрезъ страданія сдѣлаться славнымъ. Не будешь же искать покоя, или жизни роскошной; желаніе этого прилично не мужественному человеку, а червю, болѣе животному неразумному, нежели имѣющему разумъ. Ты молись усердно, чтобы не впасть въ искушеніе, но когда впадеши, то не скорби и не смущайся, не унывай, а употребляй всѣ силы, чтобы сдѣлаться славнымъ²⁾. И апостолы восхваляютъ скорби и страданія, указывая на силу ихъ, служащую къ нашему укрѣпленію и усовершенію. *Мы хвалимся въ скорбехъ* (говоритъ св. апостолъ Павелъ), *въдыще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посямитъ* (Рим. V, 3—5). Раскрывая ту же мысль, святой апостолъ Іаковъ съ такимъ увѣщаніемъ обращается къ вѣрующимъ: *съ великою радостію принимайте, братія мои, когда впадаете въ различныя искушенія, зная, что испытаніе вашей вѣры производитъ терпѣніе; терпѣніе же должно имѣть совершенное дѣйствіе, чтобы вы были совершенны во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка* (Іак. 1. 2—4). По указаніямъ апостоловъ, искушеніе, возбуждая силу души нашей, чрезъ терпѣніе, какъ необходимую степень, ведетъ насъ на высоту нравственнаго совершенства.

²⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ бес. на СХХІV псаломъ. Твор. св. І. Златоуста. Т. V, кн. I, стр. 336—7.

Хорошо разсуждать (скажете вы) и говорить о благѣ терпѣнія. Помогутъ ли эти разсужденія несчастному, когда жало скорби уязвляетъ его душу? Каково терпѣть и страдать, когда сердце разрывается отъ печалей?

Да, тяжело терпѣть, тяжело переносить горе. Но чаша страданій, подносямая намъ незримою рукою, наполнена не одною горечью; но въ самой горечи растворена и капля сладости. По крайней мѣрѣ человекъ мужественный и настроенный по христіански, иснивая ее, чувствуетъ не одну горечь, но за потокомъ горечи льется въ его сердце не одна каня отрады. Умѣйте только воспринять ее и дать ей входъ въ смятенную душу. Не даромъ Господь блаженнымъ называетъ плачущихъ. Онъ называетъ ихъ блаженными потому, что обѣщаетъ имъ утѣшеніе. *Блаженни плачущіи*, говоритъ Онъ, *яко тѣмъ утѣшатся* (Матѳ. V, 4). Въ чемъ это обѣщанное утѣшеніе? А оно несомнѣнно; потому что исходитъ отъ Свидѣтеля вѣрнаго и истиннаго, котораго слова непреложны, потому что они слова Божія (Апок. XIX, 9).

Страждущая душа прежде всего можетъ черпать утѣшеніе для себя въ тѣхъ благодатныхъ убѣжденіяхъ, какія внушаетъ намъ вѣра. Оживая въ ней въ минуты глубокаго горя, они вызываютъ въ ней такія чувства, какія служатъ силою противодѣйствія жгучей силѣ страданій. Подъ ихъ успокоивающій голосъ ослабѣваетъ и притихаетъ чувство боли, гнетущее душу. Далѣе, страданія, нами переносимыя, привлекаютъ на насъ свыше успокаивающую благодать. Чадолубивый Отецъ нашъ, посѣщая насъ скорбію или искушеніемъ, не оставляетъ насъ нашей слабости, и призываетъ на насъ съ высоты святыя своя, и когда скорбь наша достигаетъ высшей степени, и мы готовы насъ подъ ея давленіемъ, Онъ подаетъ намъ руку помощи, и иногда чудеснымъ образомъ спасаетъ насъ, изводя насъ изъ бездны злключеній. По слову Апостола, *Богъ не оставитъ васъ искушиться паче, еже можете*, но посылая искушеніе, дастъ и облегченіе, дабы

вы могли понести (1 Кор. X, 13). *Не на вѣкъ оставляеть Господь* (говорить пророкъ), *но, пославъ горе, и помилуетъ по великой милости своей* (Плачь Иер. III, 31—32). Человѣкъ страдающій представляетъ изъ себя то же предъ Богомъ, что плачущее дитя предъ матерью. Дитя своимъ плачемъ ищетъ, зоветъ къ себѣ мать свою, а мать, видя плачущее дитя свое, старается утѣшить его своею ласкою; и въ минуты его плача проявляетъ особенно заботливую любовь къ нему. Не то же ли бываетъ и съ нами взрослыми, когда душу нашу посѣщаютъ скорби, исторгающія изъ груди молитвенные вопли? Эти вопли несутся къ престолу благодати Отца небеснаго, и они подвигаютъ Его на милость къ намъ, и отъ Его благодати въ скорбящемъ сердце льется цѣлебный елей, умягчающій жестокия страданія, и отрадою наполняющій смущенную душу. Мы не видимъ надъ собою этого проявленія отеческой заботливости о насъ небеснаго Промыслителя въ дни скорбей нашихъ, какъ видить дитя во время плача приближающуюся къ нему мать свою. Но присмотритесь внимательнѣе къ опытамъ жизни своей и жизни вашихъ ближнихъ и вашихъ знакомыхъ, и невидимое для васъ будетъ вполне ощутительнымъ. Вотъ падаетъ, по видимому, человѣкъ подъ бременемъ несчастія, на него обрушившагося; изнемогають силы его, и онъ съ тревогою отчаяннія готовъ просить и искать себѣ смерти. Но Господь взрѣлъ на него окомъ своего милосердія, и страдалецъ, подавленный скорбію, снова возстаетъ, и, успокоенный духомъ, выходитъ изъ борьбы, которая сулила ему одно безысходное горе. У него яснѣють потухшіе глаза; является бодрость и энергія въ ослабѣвшихъ членахъ, и на устахъ слышится умиденная молитва къ Богу, Утѣшителю несчастныхъ, нашему Помощнику и Покровителю въ скорбяхъ нашихъ. Какъ разженная печь вавилонская, является иногда жизнь наша, полная скорбей. Вверженные въ нее, мы, казалось, должны погибнуть въ ней; но Сила высшая, Сила лучшая

нисходитъ къ людямъ, нылающимъ въ огнѣ страданій, окружаетъ ихъ своимъ покровомъ, и страдалыцы цѣлыми и невредимыми выходятъ изъ пламени искушеній и бѣдъ. Іовъ, испытавшій тяжесть разнообразныхъ страданій человѣческихъ, чувствовалъ, въ скорбяхъ, его постигшихъ, какъ благъ и близокъ Господь ко всѣмъ, подвергающимся искушеніямъ. Въ самыя тяжелыя минуты говорилъ онъ, что Богъ не оставляетъ его и не лишаетъ его утѣшенія, и страдая, называетъ *блаженнымъ* челоуѣка, котораго *наказалъ Богъ* (Іов. V, 17). *Наказанія вседержителя не отвращайся* (читаемъ далѣе въ его книгѣ). *Ибо Онъ причиняетъ намъ раны, и Самъ обвязываетъ ихъ; Онъ поражаетъ, и Его же руки врачуютъ. Въ шести бѣдахъ спасетъ тебя, и въ седьмой не коснется тебя зло. Во время голода избавитъ тебя отъ смерти, и на войнѣ отъ руки меча* (Іов. V, 17—21). Давидъ въ одномъ псалмѣ исповѣдуетъ и воспѣваетъ: *аще пойду по средѣ скорби, живиши мя* (псал. СXXXVII, 7). Златоустъ, изясняя это мѣсто, говоритъ: „не сказалъ: отгонишь скорбь, но среди самыхъ скорбей живиши меня, то есть, можешь спасти и утѣшить меня среди опасностей. Это-то и удивительно и необыкновенно, чтобы въ то самое время, когда окружаютъ насъ бѣдствія, поставить въ безопасности челоуѣка, окруженнаго ими¹⁾. Пророкъ еще въ другомъ мѣстѣ представляетъ, что *Господь съ небесе призываетъ на землю услышати воздыханіе окованныхъ, разрѣшити сыны умерщвленныхъ* (Псал. CI, 20—21). А слыша воздыханія и стоны своихъ созданій и чадъ, можетъ ли Онъ, Милосердный, оставить ихъ безъ помощи и утѣшенія?

Смотрите далѣе вы, скорбящіе, готовые падать и изливаться въ горькихъ словахъ ропота подъ ударами постигшихъ васъ напастей, кто идетъ впереди васъ по тому жест-

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ, бес. на СXXXVII псаломъ. Творенія св. І. Златоуста. Т. V, кн. 2, стр. 456.

кому пути, на который угодно было поставить васъ все-благодой воля Божіей. Впередѣ васъ идетъ путемъ страданій ради насъ воплотившійся Единородный Сынъ Божій. Ему, служащему источникомъ радости и блаженства, и обладающему величіемъ силы Божіей, предлежалъ, по Апостолу (Евр. XII, 2), иной нуть, — путь славы и радости. А онъ, видя юдоль нашу, орошаемую слезами, снишелъ съ высоты престола Божія, чтобы раздѣлить скорби наши, — подвергся униженію, срамотѣ и поруганію и претерпѣлъ крестъ, чтобы своими страданіями исторгнуть корень зла, растущаго на землѣ и насъ истошающаго. И Онъ, прошедъ путь тяжкихъ страданій и поразивъ врага нашего, посѣявшаго на путяхъ нашихъ сѣмена злосключеній, съ любовію взираетъ на всѣхъ, идущихъ въ слѣдъ Ему, и мы слышимъ утѣшительный голосъ Его, обращенный ко всѣмъ намъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28). Приидите всѣ, страждущіе и плачущіе, и Я утолю печаль вашу, отру слезы ваши, и исполню души ваши отрады и утѣшенія. — Глубоко запечатлѣйте въ своемъ сердцѣ этотъ утѣшительный голосъ нашего Искупителя, зовущаго къ себѣ всѣхъ скорбящихъ. Пусть онъ звучитъ предъ вами, когда горе постигаетъ васъ и неисцѣльною тоскою терзаетъ душу вашу. Ужели онъ не въ силахъ облегчить тяжесть вашихъ страданій? Помните, что Господь, искушенный повсѣчески, претерпѣвшій крайнюю мѣру страданій нашихъ, не оставляетъ страждущихъ и укрѣпляетъ ихъ своею благодатію.

Нашему вразумленію могутъ служить примѣры святыхъ Божіихъ. Припомните, какъ они, одушевляемые вѣрою, переносили скорби и страданія, и какою обильною струею, среди страданій, текло въ ихъ души благодатное утѣшеніе свыше. Не только безропотно, но съ полнымъ спокойствіемъ и даже радостію они идутъ тѣмъ путемъ, который такъ страшитъ насъ. Вотъ апостолы подвергаются гоненію, темничному заключенію и бичеванію за проповѣдь о Христѣ, Спасителѣ на-

шемъ. Что же они? Скорбятъ, ропщутъ, негодуютъ? Нѣтъ, они радуются, что за имя Христово сподобились безчестіе принять (Дѣян. V, 41). Ихъ горячая вѣра, ихъ преданность Богу привлекаетъ въ ихъ души обиліе укрѣпляющей и утѣшающей благодати, и эта благодать заглушаетъ и изгоняетъ изъ ихъ сердца чувство боли и скорби, а вмѣсто него насаждаетъ въ нихъ отраду и утѣшеніе, ощущаемое ими при сознаніи исполненнаго долга. Насъ огорчаютъ и оскорбляютъ (говоритъ Апостолъ), а мы не скорбимъ, а всегда радуемся (2 Кор. VI, 10 Евр. X, 34).—А великій сонмъ мучениковъ, пострадавшихъ во дни гоненій на исповѣдниковъ имени Христова? Жестокимъ казнямъ ихъ подвергаютъ, бичуютъ немилосердно ихъ тѣло, вывертываютъ ихъ члены, однихъ жгутъ на огнѣ, другихъ, какъ сорокъ мучениковъ, предають продолжительной и горькой смерти зимою, когда стужа простиралась до самой высшей степени, обнаживъ и заморозивъ ихъ среди города, иныхъ четвертуютъ и распинаютъ на крестѣ, иныхъ предають на растерзаніе лютымъ звѣрямъ и т. п. Мученія, конечно, имъ доставляли нестерпимую боль. Но когда терзали ихъ тѣло, и кровь лилась ручьями, они, подкрѣпляемые силою свыше, сохраняли бодрость духа, и удивляли своихъ мучителей своимъ терпѣніемъ и благодушіемъ, и изъ ихъ устъ возносилась къ небу теплая молитва, полная не унынія и ропота, а преданности и благодаренія Богу. Вотъ какъ святой отецъ изображаетъ чувства сорока мучениковъ, которыхъ мучитель приказалъ уморить на открытомъ воздухѣ, обнаживъ въ жестокую стужу. „Каждый изъ нихъ съ радостію сбросилъ съ себя послѣдній хитонъ, и всѣ потекли на встрѣчу смерти, какою грозила стужа, какъ бы шли къ расхищенію добычи. Скидая съ себя одежду, они говорили: „благодаримъ Тебя, Господи, что съ этою одеждою свергаемъ съ себя грѣхъ. ...И съ Господа нашего совлечены были одежды. Тяжко ли для раба потерпѣть, что терпѣль и Владыка? Жестока зима, но сладокъ рай; мучительно за-

мерзнуть, но пріятно успокоеніе. Не долго потерпимъ, и насъ согрѣетъ патріархово лоно. За одну ночь вымѣняемъ себѣ цѣлый вѣкъ. Пусть опалается нога; только бы непрестанно ликовать съ ангелами! Пусть отпадаетъ рука; только бы имѣть дерзновеніе воздѣвать ее ко Владыкѣ. Сколько нашихъ воиновъ пало въ строю, сохраняя вѣрность царю тлѣнному? Ужели не пожертвуемъ своею жизнію изъ вѣрности Царю истинному?.. Есть у насъ плоть; не пощадимъ ея. Поелику непремѣнно нужно умереть, то умремъ, чтобы жить. *Да будетъ жертва наша предъ Тобою, Господи* (Дан. III, 40¹).

Представленіемъ и предвкушеніемъ будущаго здвооздранія и будущаго блаженства смягчали чувство боли въ страданіяхъ люди, подобно сорока мученикамъ преданные Богу и желавшіе благоугождать Ему, помня обѣтованіе Господа сказавшаго: *блаженни плачущи; яко тѣи утѣшатся* (Матѳ. V, 4). И апостолы, ободряя вѣрныхъ страждущихъ, указываютъ имъ на то, что страданіями они заслуживаютъ особую милость Божію, чрезъ нихъ дѣлаются угодными Богу (1 Петр. 11, 20—21) и пріобрѣтаютъ вѣнецъ жизни: *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (говоритъ апостоль Іаковъ): *зане искушень бывъ приметь вѣнецъ жизни, егоже обѣща Господь любящимъ Его* (Іак. 1, 12).

Вы знаете, какою несказанно великою, искупительную силу имѣла страданіе Богочеловѣка. Ими омыта и изглаждена грѣховная скверна, запятнавшая чистую богозданную природу человѣка; ими снято проклятіе, тяготѣвшее надъ преступнымъ родомъ человѣческимъ, и праведный гнѣвъ Божій преложенъ на милость; ими яли черезъ нихъ возвращены намъ блага, утерянныя нами, и отверзлись для насъ врата рая, заключенныя для насъ послѣ преслушанія Адамова, и Господь самъ вошелъ и вознесъ съ собою въ пренебесную славу свое, соединенное

¹) Св. Василія Великаго. бес. 19 на св. čtyрдесятъ мучениковъ. Твор. св. Василія Великаго. Ч. IV, стр. 301—303.

съ Его божествомъ, естество человѣческое. Мы чувствуемъ и переживаемъ то торжество и ту радость, какія являются плодомъ страданій, когда св. церковь въ дни святой пасхи празднуетъ свѣтлое воскресеніе Христова и всѣхъ зоветъ къ славословію и ликованію. Смотрите на чувство радости воскресенія Христова, всѣмъ намъ знакомое, какъ на предвкушеніе и образъ того, что мы будемъ чувствовать, когда, пройдя путемъ скорбей, достигнемъ блаженнаго упованія вѣчной славы.

Конечно, страданія, какія постигаютъ насъ, по попущенію Божію, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ искупительными страданіями Богочеловѣка. Но не смотрите на нихъ, какъ на безцѣльную казнь, какой подвергаетъ насъ слѣпая судьба или чуждый всякаго разума случай. Правильный порядокъ жизни нашей устроится высшимъ божественнымъ Разумомъ. Промыслительная Десница Божія чрезъ скорби и страданія ведетъ насъ къ блаженству и славъ, и перенесенное нами искупленіе праведный Судія не оставитъ безъ воздаянія. Не сами по себѣ наши скорби служатъ къ нашему возвышенію и ведутъ насъ къ обѣтованному намъ блаженству, а по связи съ искупительными страданіями Господа. Если мы, съ покорностію волю Божіей, переносимъ свои скорби, мы, по слову Апостола, *приобщаемся страстемъ Христовымъ* (1 Петр. IV. 13). Если мы живемъ вѣрою въ Иисуса Христа, и своею страждущею душою обращаемся къ Его милосердію, искупительная сила Его страданій переливается отъ насъ невидимымъ токомъ, и наша скорбь, наше страданіе дѣлается какъ бы мадою частію той великой жертвы, каковую принесъ за насъ Единородный Сынъ Божій въ воспринятой Имъ на себя плоти нашей, и несмотря на наше недостойнство, наши скорби, безъ нашихъ стараній, получаютъ значеніе заслуги предъ Богомъ. *Сіе угодно предъ Богомъ* (говоритъ св. апостоль Петръ), *еще добро творяще и страждуще терпите* (1 Петр. 11, 20). Если Отецъ небесный съ

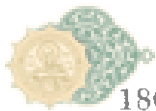
любовію принять искупительную жертву отъ Господа Иисуса Христа и увѣнчалъ ее дарованіемъ блаженства грѣшному роду человѣческому и великой пренебесной славы. Искупителю, то несомнѣнно окомъ милосердія Онъ взираетъ на все, что связано съ этою жертвою, и имѣетъ нѣкое подобіе ей. Скорбь каждаго изъ насъ, переносимая нами, какъ посѣщеніе Божіе, есть какъ бы сѣмя, изъ котораго произрастаютъ цвѣты, увеселяющіе взоръ любви Божіей, если только мы переносимъ скорбь, воспоминаая Пострадавшаго за насъ и Понесшаго на себѣ всѣ скорби наши. Потому, скажемъ словами Апостола, *понеже приобщается Христовымъ страстемъ, радуйтесь, яко да и въ явленіе славы Его возрадуется веселящаяся* (1 Петр. IV, 13).

Почему (подумаетъ или скажетъ страдающая душа) мнѣ ниспосылается горькая доля? Почему меня преслѣдуетъ бѣда и скорбь, когда другіе, мнѣ подобныя, живутъ въ спокойствіи, не испытывая моего горя? Воздержись отъ ропота, плачущая душа. Твоя и моя судьба, и судьба всѣхъ насъ управляется промыслительною Десницею Господа, равно милующаго всѣхъ насъ, и Онъ видитъ и знаетъ, что нужно намъ, и что можетъ служить къ устроенію нашего блага, къ устроенію, если не земного нашего счастья, то къ устроенію нашего спасенія. На почвѣ, орошаемой нашими слезами, вырастаютъ цвѣты Божіи, увеселяющіе взоръ любви Божіей, и изъ горя нашего вырастетъ радость, которая далеко превзойдетъ кратковременное страданіе наше (2 Кор. IV, 17). Мы то же въ рукахъ Божіихъ, что глина въ рукахъ горшечника. Можетъ ли глина сказать горшечнику и требовать отъ него, чтобы онъ далъ ей такое, а не иное употребленіе? Онъ самъ, по своему усмотрѣнію, дѣлаетъ изъ нея сосуды въ честь или не въ честь, одну глину употребляетъ на сооруженіе сосуда болѣе цѣннаго, а другую на сооруженіе сосуда менѣ цѣннаго. Ты плачешь, когда въ несчастіи горе удручаетъ тебя. Плачь, плачь! Но вѣрай судьбу свою всеблагодару Прови-

дѣнію. При твоей преданности вождь Божіей, ангелы Божіи вознесутъ твои слезы къ престолу Вседержителя, и Онъ приметъ ихъ, какъ дорогія жемчужины, приносимыя Ему отъ грѣшной земли и сторицею вознаградить тебя за нихъ. Плакалъ и Лазарь, проводя горькую жизнь въ голодѣ и холодѣ, въ болѣзни и изнуреніи, не имѣя ни хлѣба, ни одежды, и не встрѣчая ни отъ кого ни утѣшенія, ни участія. А богачъ, предъ вратами котораго лежалъ онъ гноенъ, веселился по вся дни свѣтло и одѣвался въ цорфиру и виссонъ. А что же потомъ? Лазарь сдѣлался другомъ ангеловъ, и тамъ не только былъ утѣшенъ, но и вкушалъ такія радости, о какихъ мы нынѣ не можемъ имѣть и представленія. А веселившійся богачъ очутился въ невыразимыхъ мукахъ, и увидя издалеча Лазаря на лонѣ Авраамовомъ, просилъ объ одной отрадѣ, чтобы Лазарь омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и остудилъ языкъ его,—и этой отрады не дано ему.

Можетъ быть, мало гѣхъ представленій заимствованныхъ нами изъ сокровищницы пашей вѣры, какія мы привели къ успокоенію людей, несущихъ горькую долю, или къ облегченію ихъ скорби. Въ средѣ скорбящихъ мы видимъ страдальцевъ разнаго рода, и каждый изъ нихъ, неся свое горе, считаетъ его наиболее тяжкимъ, и ищетъ себѣ успокоенія.

Вотъ безутѣшной скорби придается осиротѣлое семейство. Смерть похитила у него дорогаго человѣка, въ которомъ оно лишилось опоры жизни своей, защитника и кормильца своего. Нельзя не пожалѣть о немъ, но не оплакивайте его безъ мѣры. Богъ лучше насъ знаетъ, когда, въ какой день и часъ воззвать къ себѣ изъ среды живыхъ того или другаго изъ насъ. Онъ взялъ къ себѣ дорогаго для насъ человѣка, какъ зрѣлую пшеницу, во время пожатую, и поселилъ его въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханія. А кто знаетъ, что было бы съ нимъ, если бы дольше продолжилось его странствованіе на землѣ? Можетъ быть, Господь преждевременною, на нашъ взглядъ, смертію спасалъ

любовію принялъ искупительную жертву отъ Господа Иисуса Христа и увѣнчалъ ее дарованіемъ блаженства грѣшному роду человѣческому и великой пренебесной славы Искупителю, то несомнѣнно окомъ милосердія Онъ взираетъ на все, что связано съ этою жертвою, и имѣетъ нѣкое подобіе ей. Скорбь каждаго изъ насъ, переносимая нами, какъ посѣщеніе Божіе, есть какъ бы сѣмя, изъ котораго произрастаютъ цвѣты, увеселяющіе взоръ любви Божіей, если только мы переносимъ скорбь, вспоминая Пострадавшаго за насъ и Понесшаго на себѣ всѣ скорби наши. Потому, скажемъ словами Апостола, *понеже приобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтесь, яко да и въ явленіе славы Его возрадуется веселящаяся* (1 Петр. IV, 13).

Почему (подумаетъ или скажетъ страждущая душа) мнѣ ниспосылается горькая доля? Почему меня преслѣдуетъ бѣда и скорбь, когда другіе, мнѣ подобные, живутъ въ спокойствіи, не испытывая моего горя? Воздержись отъ ропота, плачущая душа. Твоя и моя судьба, и судьба всѣхъ насъ управляется промыслительною Десницею Господа, равно милующаго всѣхъ насъ, и Онъ видитъ и знаетъ, что нужно намъ, и что можетъ служить къ устроенію нашего блага, къ устроенію, если не земного нашего счастья, то къ устроенію нашего спасенія. На почвѣ, орошаемой нашими слезами, вырастаютъ цвѣты Божіи, увеселяющіе взоръ любви Божіей, и изъ горя нашего выростетъ радость, которая далеко превзойдетъ кратковременное страданіе наше (2 Кор. IV, 17). Мы то же въ рукахъ Божіихъ, что глина въ рукахъ горшечника. Можетъ ли глина сказать горшечнику и требовать отъ него, чтобы онъ далъ ей такое, а не иное употребленіе? Онъ самъ, по своему усмотрѣнію, дѣлаетъ изъ нея сосуды въ честь или не въ честь, одну глину употребляетъ на сооруженіе сосуда болѣе цѣннаго, а другую на сооруженіе сосуда менѣе цѣннаго. Ты шлачешь, когда въ несчастіи горе удручаетъ тебя. Плачь, плачь! Но вѣрнѣй судьбу свою всеблагому Прови-

Господь, можетъ быть, желаетъ предохранить насъ отъ крушенія, намъ угрожающаго, и поражая тѣло, уготовляетъ спасеніе душъ нашей. Въ дни крѣпости она не обращалась къ Богу, а постигла ее болѣзнь, и она съ воплемъ и мольбою обращалась къ Исцѣлителю душъ и тѣлъ нашихъ.

Или ты потерялъ имущество, которое собиралъ съ такимъ трудомъ, и которое надѣялся оставить своимъ дѣтямъ? Но въ имуществѣ ли, въ богатствѣ ли наше счастье и счастье дѣтей нашихъ? Хорошо, конечно, имѣть достатокъ во всемъ. Но если на скопленіи этого достатка сосредоточены всѣ заботы наши, то правильно ли течетъ жизнь наша, и не нарушается ли нравственный порядокъ, какому должна подчиняться душа наша? Хорошо имѣть достатокъ; но *какая польза человеку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщепитъ* (Марк. VIII, 36)? Отнимая у насъ сокровище, которое можетъ быть жертвою червя или огня, или добычею татей и разбойниковъ, Господь желаетъ обратить насъ къ тому, чтобы мы собирали себѣ сокровище, которое *ни червь, ни тля тлится*, и которое *ни тати не подкапываютъ, ни крадутъ* (Матѳ. VI, 19—20).

Но не будемъ перечислять всего разнообразія напастей какія выпадаютъ на долю нашу и на долю нашихъ ближнихъ а обратимъ свое заключительное слово ко всѣмъ скорбящимъ

Тяжело тебѣ, больно тебѣ, когда постигло тебя горе, и ты сътуешь и плачешь. Плачь, но не падай духомъ. Это воля Божія, воля всеблагая, ниспосылаетъ искушеніе тебѣ. Предайся ей кротко и послушно.

Больно и горько тебѣ... Но помни, что надъ тобою бдит всевидящее око милосерднаго Отца небеснаго; къ тебѣ простерта любовь Его, сладчайшая всѣхъ благъ и утѣхъ міра. И *Его любовь отвѣтъ своею предонностію, своею любовію къ Немъ*. Въ преданной любви къ Немъ, какъ камень въ океанѣ — *не заетъ* и сокровится твое горе и страданіе.